

35. См.: позиции русских религиозных философов — Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. С. Соловьева, Г. П. Федотова, С. Л. Франка, позиции кадетов — М. И. Туган-Барановского (с его идеалом: общество — насквозь свободный кооператив), Д. И. Шаховского с идеалом Братства, доступным мало кому из социалистов и т. д.

36. См.: Шепелева В. Б. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. трудов. Омск, 2000.

37. См. подробнее: Шепелева В. Б. // Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. Вып. 2. Иваново, 1997. Она же // Производственные кооперативы в России на пороге XXI века. М., 1996.

38. Нэп — это частичный «ренессанс» революционно-демократической альтернативы, как она виделась большевикам и выстраивалась снизу до ноября 17-го года: многопартийная революционно-демократическая власть, регулируемая с помощью госкапитализма многоукладная экономика, самоорганизация масс (см.: Шепелева В. Б. // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы: Мат-лы науч. -метод. конференции. Омск, 2000).

39. Показательны слова А. И. Деникина о том, что, «вероятно, ген. Корнилов не поднял бы оружия... и против однородного социалистического правительства, если бы (оно)... появилось и... проявило сознательное отношение к национальным интересам страны» (см.: Деникин А. И. // Вопросы истории. 1991. №1).

Валентина Юрьевна ВОЛОШИНА —
докторант кафедры дореволюционной
отечественной истории
Омского государственного университета,
кандидат исторических наук

УДК 374. 7

СЪЕЗДЫ РУССКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ О СОДЕРЖАНИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ.

АННОТАЦИЯ. В статье на основе анализа материалов съездов русских академических организаций за границей характеризуются задачи культурно-просветительской работы ученых-эмигрантов. Отмечается, что ее актуальность определялась не только традиционным вниманием русской дореволюционной науки к просветительству, но и необходимостью создания единого культурного пространства русской диаспоры.

The author analyses documents of Russian Academic congresses in emigration to characterize the objectives of cultural and enlightening activity of emigrant scientists. The topicality of the article is connected not only with traditional attention of Russian pre-revolutionary scientists to enlightening activity but also with the necessity to locate the culture of Russian Diaspora.

Феномен русского зарубежья 1920-1930-х гг. сложен и противоречив. Многочисленная толпа беженцев очень скоро превратилась в ирреальную «Россию в изгнании». Многие эмигранты независимо от места пребывания воспринимали себя представителями единого общества, а русское зарубежье — своей страной. Один из самых авторитетных ученых зарубежья академик П. Б. Струве не раз обращал внимание на духовную и культурную связь «России в изгнании» и «России в страдании». По его мнению, «Зарубежье не есть вовсе отрезанный от внутренней России ломоть, и исторические судьбы Внутренней России (курсив и орфография автора — В. В.) не только интересны для Зарубежья, они суть и его судьба.» [1] Для большинства бе-

женцев эмиграция рассматривалась как некий ковчег духовного и национального спасения. Но изгнанники не просто спасались от гибели. Они пытались сохранить преемственность культуры и традиций дореволюционной России, которые коммунистический режим внутри страны решительно истреблял. Без этой преемственности, считали они, невозможно будет возродить Россию после падения большевиков. В этом смысле зарубежье становилось не только выразителем интересов старой, но и грядущей России.

Огромное влияние на облик и поведение русской диаспоры оказала интеллигенция как главный творец, носитель и ретранслятор культуры. Именно ее культурно-просветительская деятельность в значительной мере привела к созданию единого духовного пространства в русском зарубежье.

Просветительство как имманентная черта русской интеллигенции занимало важное место в общественной жизни дореволюционной России, начиная с конца 1850-х гг. XIX века. Либеральная и демократическая интеллигенция искала пути повышения образовательного и культурного уровня народа, создавая воскресные школы, библиотеки-читальни, народные университеты и другие культурно-просветительные учреждения частной и общественной инициативы. При этом в задачи просветительства входили не столько общеобразовательные задачи, сколько развивающие личность в духе гуманизма и свободомыслия. Через систему культурно-просветительных учреждений велась планомерная работа по всестороннему развитию человеческой личности, удовлетворению ее умственных, эстетических и культурных запросов. Главное же назначение этих учреждений заключалось в том, что они должны были привить человеку устойчивый интерес к знаниям и сформировать у него потребность в постоянном пополнении знаний и повышении культурного уровня путем самообразования [2]. Научная интеллигенция принимала в этом движении активное участие, выступая, по сути, в трех ипостасях: ученого, педагога и просветителя.

Современное интеллигентоведение требует «подходить к истории интеллигенции конкретно-исторически, в каждом случае оговаривать, какой слой (группа, отряд) имеется в виду; учитывать, что входящие в эти группы лица различаются по социальному происхождению, материальному и правовому положению, общественно-политическим воззрениям и т. д.» [3] Это делает правомерной постановку вопроса о содержании просветительской деятельности научной интеллигенции в эмиграции. Важную роль в понимании этого вопроса играет изучение материалов съездов русских академических организаций за границей, которых состоялось всего пять.

Оказавшись вдали от Родины, потеряв прежний статус, ученые уже с середины 1920 г. начинают консолидироваться и создавать русские академические группы (РАГ), ставившие целью моральную и материальную взаимопомощь, содействие развитию русской науки за границей, содействие студенчеству в продолжении образования. В целях координации деятельности наиболее активные академические группы, возникшие в Великобритании, Париже и Берлине, а также Общество Русских Ученых в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев выступают с инициативой созыва съезда. Его организация была возложена на Парижскую академическую группу. Она сформировала оргкомитет из А. И. Анциферова, Ю. В. Ключникова и Н. М. Могиланского. Впоследствии в него еще вошли члены пражской группы А. С. Ломшаков, Н. В. Ястребов, Е. В. Спекторский, В. А. Францев и А. И. Глазунов [4]. Оргкомитет разработал проект Программы и Наказа съезду и разослал их во все академические группы с приглашением принять участие в съезде. Была принята норма представительства: 1 делегат от 10-ти членов группы. Своих представителей на съезд прислали русские академические группы, созданные в Болгарии, Великобритании, Германии, Латвии, Польше, Королевстве СХС, Турции, Франции, Чехословакии и Эстонии. По разным причинам не смогли прибыть представители от групп из Финляндии, Швеции, Швейцарии и США. Некоторые группы не смогли послать

нужного количества делегатов. Всего приехали 34 делегата. Они представляли более 400 ученых [5].

10 октября 1921 г. в Праге состоялось торжественное открытие I съезда, который постановил объединить все русские академические группы за границей в особый союз, назвав его «Союз Русских Академических Организаций за границей». Союз объявлялся единственным представительством русских ученых. Верховным органом его становился съезд, созываемый ежегодно Правлением Союза. В Уставе, принятом на съезде, подчеркивалось, что в задачи Союза наряду с сохранением единства русского научного сообщества и представительством его за рубежом входили «всемерное содействие к предоставлению членам Союза возможности научно работать, печатанию научных работ, подысканию мест по специальности и облегчение их материального положения»; «забота об учреждении, охране и дальнейшем существовании и развитии русских высших учебных и ученых учреждений за границей»; помощь ученым и студентам, оставшимся в России; забота о воспитании и обучении детей русских беженцев и студентов, оказавшихся за границей [6]. Местные академические группы сохраняли полную автономию. На них планировалось возложить обязанности и дать права факультетских советов, которые существовали в дореволюционных российских университетах. С этой целью съезд предложил ввести в уставы академических групп положение, в силу которого действительными членами их могут быть преподаватели вузов, выдержавшие магистерский или соответствующий ему экзамен, а также лица, имеющие ученые степени. К работе академических групп могли привлекаться также и лица с небольшим педагогическим стажем и без ученых степеней. Но в постановлении съезда «Об учреждении Союза» было признано целесообразным деление академических групп на действительных членов, отвечающих требованиям научного и педагогического ценза, и членов-сотрудников, цензу этому не соответствующих, но имеющих отношение к научно-педагогической деятельности. При рассмотрении вопросов академического характера действительные члены должны были обладать правом решающего голоса. [7]

Как и большинство беженцев в это время, ученые были уверены в скором возвращении, поэтому задачи культурно-просветительной работы на долговременную перспективу на этом съезде не рассматривались. Речь шла лишь о создании условий для продолжения образования детей и студенческой молодежи. При этом обращалось внимание на недопустимость утраты связи молодежи с русской культурой. Анализируя отчеты РАГ о проделанной работе, прозвучавшие на этом съезде, можно отметить, что с момента возникновения они не только вели большую организационную работу по открытию русских гимназий и школ, но и пытались интегрировать студентов-эмигрантов в европейские вузы. Считалось целесообразным сочетание обучения в них и на дополнительных курсах по российской проблематике, читаемых на русском языке. Так, осенью 1920 г. члены РАГ организовали при Парижском университете русские курсы на юридическом и историко-филологическом факультетах. Здесь кроме чтения на русском языке обязательных дисциплин («Институции русского публичного права» — Б. Э. Нольде; «Экономический строй России» — А. Н. Анцыферов и т. п.) читались и публичные, носящие общеобразовательный характер лекции («Пути международной политики России» — П. Н. Милуков; «Судьбы русского народного представительства» — П. П. Гронский; «Русская церковь в настоящие катастрофические годы» — А. В. Карташев; «Роль литературы в развитии русской гражданственности» — А. А. Экк; «Судьбы русского капитализма» — С. О. Загорский и др. [8] О работе в этом направлении рассказывали на съезде также представители РАГ в Болгарии, Германии, Константинополе, Галлиполи, Польши, т. е. тех стран, которые приняли на себя основной поток беженцев. Съезд в специальном постановлении «О русских студентах за границей» признал эту работу важной и рекомендовал ее продолжить.

В повестку дня I съезда был включен также вопрос о возбуждении интереса к русской культуре и знанию русского языка среди иностранцев. Пропаганда достижений русской культуры считалась необходимым условием в деле формирования доброжелательного отношения местного населения и властей к русским беженцам. И хотя этот вопрос обсуждался не на пленарном заседании, а в комиссии под председательством С. И. Метальникова, все же можно говорить о внимании ученых к этому направлению просветительской деятельности. Был одобрен опыт парижской, берлинской и других РАГ по чтению научных и публичных лекций о русской культуре на языке страны проживания. Так, в 1921 г. в Париже в «Международном университете» с такими лекциями выступили С. В. Бородаевский, Ю. В. Ключников, В. М. Минорский, Н. М. Могилянский, П. Б. Струве и А. А. Экк. Последний по приглашению Гентского университета летом 1921 г. прочел 8 лекций по истории новейшей русской литературы [9]. Необходимость работы по «распространению во Франции более глубокого познания русского языка и России» значилась даже в уставе парижской группы в качестве одной из основных задач ее деятельности [10].

II съезд Союза Русских Академических Организаций за границей состоялся в Праге в октябре 1922 года. В его работе приняли участие около 50 делегатов. Они представляли в целом 500 членов Союза в 14-ти европейских странах [11]. Как и на I съезде, круг обсуждаемых вопросов здесь в основном затрагивал организационные проблемы эмигрантского научного сообщества. В программу этого съезда входили вопросы об организации и расширении помощи учащейся молодежи, о помощи русским ученым, находящимся в России, о представительстве в международных учреждениях, об обеспечении правового положения русских ученых за границей и т. п.

В докладах о деятельности РАГ на местах давалась подробная информация, в том числе о культурно-просветительной работе. По-прежнему все группы занимались устройством публичных лекций и докладов для русских эмигрантов и местного населения. В целях усиления планомерности и эффективности этой деятельности в ряде стран было решено вернуться к опыту создания народных университетов, существовавших в дореволюционной России. В Париже такой университет был создан еще в 1920 г., но активную работу он начал с 1921-1922 учебного года. За это время здесь было прочитано 120 часов лекций по общественно-исторической тематике. Их посетили 1912 человек. Кроме того, при университете работали курсы французского и английского языков, стенографии, автошколы и библиотека для детей и юношества [12]. В июне 1922 г. начал свою работу народный университет, созданный при РАГ в Великобритании. Лекции, читаемые здесь, делились на 3 цикла: общеобразовательный (56 часов), исторический (74 часа) и «Россия» (80 часов). За символическую плату их могли посещать все желающие. Лекции пользовались большим успехом [13].

На съезде с речью «Русская наука в русской культуре» выступил П. Б. Струве. С позиций государственного либерализма докладчик отстаивал тезис о прогрессивной роли государства в становлении и развитии национальной науки. «Было бы совершенно неисторично не видеть, в какой мере в России государство было двигателем культуры и науки... рост государства и его могущества создавал экономическую основу и широкие и все раздвигающиеся правовые и культурные рамки для научной культуры.» Поэтому, считал он, «эпохи политической реакции являлись эпохами неуклонного роста и расцвета научной культуры в нашей стране» [14]. По мнению ученого, российская наука всегда была орудием власти в осуществлении практических государственных задач. Он убежден в том, что «положительное значение той теснейшей связи с национальным государством и его мощью, в которой развивается русская наука, в огромной мере превосходит некоторые отрицательные стороны этой связи» [15]. Именно поэтому возрождение российской национальной государственности и культуры является первоочередной задачей для со-

временной науки. В культуре он видел связующее начало русской диаспоры, способное поддерживать в эмигрантах национальный дух и препятствовать ассимиляции. «Русскому научному духу в его лучших представлениях, при всем полете свойственны ясность и трезвость. И когда я в других областях русской культуры ищу подобия этому духу ясности и трезвости, мысль моя невольно обращается к самому ясному явлению русской культуры — к Пушкину... Он — живой образ творческой гармонии, он — красота и мера... Он как бы раз и навсегда показал, что русский дух не враждебен искусству и красоте и вместе с Ломоносовым предсказал, чтобы он не был враждебен науке» [16]. Эти идеи П. Б. Струве впоследствии воплотились в Днях русской культуры, которые с 1925 г. ежегодно стали проводиться в зарубежье в день рождения А. С. Пушкина.

При обсуждении отчета Правления делегаты поддержали предложение проф. А. В. Карташева о том, что Союз должен направлять и координировать все «русские просветительные начинания за границей». [17] Для расширения этой работы у ученых было не только осознание ее значимости, но и кадры. Незадолго до съезда, в августе 1922 г. из России на «философских пароходах» были высланы около двухсот видных представителей отечественной науки и культуры. [18] На их помощь и поддержку, безусловно, надеялись делегаты съезда.

III съезд Русских Академических Организаций Заграницей проходил также в Праге с 25 сентября по 2 октября 1924 года. К сожалению, его материалы не были опубликованы. Они фрагментарно сохранились лишь в отдельных фондах Пражской коллекции ГАРФ. Так, в фонде Русского культурно-исторического музея в Праге (ф. 6784) хранятся «Правила по организации и ведению научных занятий III съезда», а также предварительный список докладов, заявленных к прочтению. В личном фонде П. Б. Струве (ф. 5912), входившего в состав Правления Союза, имеется «Программа III съезда Русских Академических Организаций Заграницей», расписание занятий научных секций, письма членов оргкомитета о подготовке съезда и т. п.

Анализ имеющихся документов позволяет сказать, что работа этого съезда отличалась от предыдущих. Во-первых, он был более многочисленным. Точное количество участников установить невозможно, но заявки на участие в работе съезда подали 98 человек. При этом некоторые предполагали выступить в разных секциях [19]. Кроме этого, на заседаниях научных секций могли присутствовать все живущие в Праге члены Союза. Строгие нормы представительства на первых двух съездах, видимо, были обусловлены необходимостью юридического оформления Союза и утверждения его статуса. Теперь же актуальными становятся выявление и демонстрация научного потенциала зарубежья. Интересно, что стремление не допустить обострения политических разногласий на съезде не позволило пригласить сюда наиболее одиозных ученых. Так, среди «особо не приглашенных» оказался П. Н. Милюков.

Во-вторых, состоялось всего два пленарных заседания: вступительное и заключительное. Организационные вопросы деятельности Союза, за исключением выборов Правления, на этом съезде не рассматривались. Доклады, прозвучавшие на них, были посвящены в основном чествованию юбиляров (Н. П. Кондакова, И. П. Павлова) и памяти умерших коллег (П. И. Новгородцева, Н. И. Андрусова). Лишь два доклада имели неюбилейный характер и были посвящены интеграции российской науки в мировую. Академик В. А. Францев на чешском языке произнес речь об основных тенденциях в развитии славяноведения. Академик Н. П. Кондаков выступил с докладом о научной постановке изучения истории Восточной Европы. Акцент в работе делался на секции. Их было 4: философская и историко-филологическая, юридических и экономических наук, естественных наук и медицины, математики и прикладных технических знаний. Всего на секциях заслушали

144 доклада [20]. Тезисы не сохранились, но по названиям выступлений можно сказать, что значительная их часть авторами была подготовлена еще на родине и характеризовала сферу научных интересов в целом каждого конкретного ученого. Такой подход был вполне логичен, ибо в 1924 г. произошел дипломатический прорыв СССР на международной арене, в экономике России были видны первые успехи нэпа. Становилась очевидной иллюзорность скорого возвращения на родину, что заставляло эмигрантов всерьез задуматься об интеграции в науку стран проживания.

К проблемам просветительства вновь вернулся IV съезд, проходивший с 16-23 сентября 1928 г. в Белграде. С докладом на эту тему здесь выступил Е. П. Ковалевский. В организации просветительской работы, подчеркивал он, необходимо учитывать изменения в психологии русской диаспоры, происшедшие к концу 1920-х годов. «Первые годы, когда все казалось кратковременным испытанием, думали больше о сохранении старых форм и даже старых программ, о неприкосновенности привычных понятий. Потом наступило разочарование в возможности вернуться домой... А сейчас начинается новый поворот: наши глаза должны устремиться в близкое и возможное возвращение домой» [21]. Главную задачу научной эмиграции он видит в подготовке молодого поколения к работе по возрождению России. Но это будет не просто возврат к прежним формам. «Будущие работники на ниве просвещения и облагораживания России должны приобщиться к положительным сторонам нашего прошлого не только путем официального и, в силу обстоятельств, краткого курса истории и литературы родной страны, но и познакомиться с ее учреждениями, школой и знаменитыми деятелями в области науки, педагогики, юстиции; получить понятие о тех сторонах русской культуры, которыми она отличалась (и выгодно отличалась) от культуры западной.» Внимательно следует относиться к современному состоянию России. Причем необходимо знакомить молодежь с тем, что было «разрушено или искажено революцией и советским строем, не в общих фразах, а на реальных фактах и цифрах». Е. П. Ковалевский предложил съезду наметить организацию чтений и циклов таких лекций или поручить эту работу специально созданной Коллегии. Еще одним направлением просветительства, по мысли ученого, должна была стать борьба за чистоту русского языка, так как «простые смертные, с непростительным легкомыслием, утрачивают все более и более чутье правильной и красивой русской речи» [22].

Соображения ученого не остались незамеченными. Съезд решил принять участие в проведении в Париже весной 1930 г. выставки русской культуры за рубежом, а также одобрил инициативу Парижской РАГ об издании сборника, посвященного культурной деятельности русских ученых за 10 лет изгнания [23].

IV съезд вновь поставил вопрос о необходимости объединения сил эмиграции. Все прежние попытки объединения заканчивались провалом из-за политических разногласий. Председатель съезда, известный геронтолог проф. В. Г. Коренчевский выступил с инициативой о создании внепартийного Делового Объединения русских профессиональных и национально-культурных зарубежных организаций. Его целью, наряду с прочим, должна была стать борьба с денационализацией зарубежной молодежи. «Больше всего нас, — говорил В. Г. Коренчевский, — разъединяет политика. Мы, ученые, в отдельности принадлежим к самым различным группировкам. А между тем как было в России, так происходит и здесь: мы все дружно работаем для общего русского дела и русской науки. Это потому, что светлый и высокий дух науки, дух вечности дышит над нами. До него не дорастают человеческие, легко ломающиеся перегородки. И потому, будучи политически разномыслящими, мы все же одна крепкая рабочая и дружная семья» [24]. IV Съезд в специальном постановлении поручил Правлению Союза координировать деятельность

РАГ в этом направлении. На V съезде (14-21 сентября 1930 г.) проф. В. Г. Коренчевский информировал делегатов о подготовке Делового Объединения, но впоследствии эта работа по разным причинам так и не была завершена.

К сожалению, нам не удалось разыскать в центральных отечественных архивах и библиотеках материалов V съезда академических организаций.

Материалы съездов русских академических организаций за границей свидетельствуют, что ученые, оказавшись в эмиграции, в 1920-е гг. по-прежнему уделяли серьезное внимание проведению культурно-просветительской работы. Ее формы менялись в зависимости от отношения к беженцам в странах проживания, политической ситуации в России и международной обстановки в целом. Но содержание всегда определялось задачами сохранения и преумножения культурных традиций России. В этом ученые видели связующее начало русской диаспоры. Препятствуя ассимиляции, они стремились поддержать в эмигрантах национальный дух и создать единое культурное пространство. Именно это позволило превратить разношерстную толпу беженцев в «Россию в изгнании».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цит. по: Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905-1944. Т. 2. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 421.
2. Ивенина Т. А. Культурно-просветительные организации и учреждения общественной и частной инициативы в дореволюционной России (1900-1916 гг.) М.: Моск. пед. гос. ун-т. 2003. С. 22.
3. Главатский М. Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 27
- 4, 5. Съезды русских академических организаций за границей. Прага, 1923. С. 5, 8.
6. ГАРФ. Ф. 5888. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
7. Съезды русских академических организаций за границей. С. 73-74.
8. Там же. С. 31-32.
9. Там же. С. 32.
10. Там же. С. 28.
11. Там же. С. 104-106.
12. Там же. С. 129.
13. Там же. С. 126-127.
14. Струве П. Б. *Patriotica*: Россия. Родина. Чужбина / Сост. А. В. Хашковский. СПб.: РХГИ, 2000. С. 194-195.
15. Там же. С. 196.
16. Там же. С. 201.
17. Съезды русских академических организаций за границей. С. 142.
18. Главатский М. Е. Указ. соч. С. 81.
19. ГАРФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 112. Л. 18-24.
20. ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 275. Л. 103-110.
21. Ковалевский Е. П. Проблема просвещения русского юношества. // Труды IV съезда Русских Академических организаций за границей. Ч. 1. Белград: Изд-во Русского Научного института в Белграде. 1929. С. 474.
22. Там же. С. 478.
23. Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. Белград: Издание Организационного Комитета Съезда. 1929. С. 24.
24. ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 125. Л. 23.